

На окраинной ярмарке одного захолустного городка яблоку негде было упасть. Пестрая, разношерстная толпа запрудила тесные улицы, со всех сторон доносились выкрики зазывал, смех и громкий говор — ярмарка шумела вовсю.

И без того узкий проезд забился окончательно: зеваки обступили какое-то место плотным кольцом, мешая пройти.

Впрочем, глазели они вовсе не на заморские диковины и не на именитых господ. Посреди дороги стояли старая кобыла и окоченевший труп.

— Надо же, лошадь человека загрызла! Слыханное ли дело?

— И то верно, нелепая смерть. Надо же было так глупо сгинуть...

— Бедная его молодая жена, только-только ведь замуж вышла.

— Да ладно тебе, девка еще молода. Года три траур поносит, да и снова выйдет за кого-нибудь.

— Да кто ж ее теперь возьмет-то? Не успела порог переступить, как мужа в могилу свела. Сглазила, не иначе!

— С ее-то личиком? Желающие быстро найдутся. Вон, молодой господин с северной окраины давно на нее засматривался...

Праздные прохожие судачили вовсю, нимало не стесняясь новоиспеченной вдовы. Цю Юй рыдала у тела покойного мужа навзрыд. Стоило толпе запричитать о ее горькой доле, как вдова прижимала платок к лицу и принималась заливаться с новой силой, выдавливая из себя слезы ради пущей жалости зевак.

Хозяин лошади, Чжао Сан, вконец извелся от такого невезения. Он ведь просто одолжил кобылу Ли Мину! Кто мог подумать, что смирная скотина вдруг взбесится и насмерть загрызет человека? Желая поскорее замять дело, Чжао Сан достал из-за пазухи кошелек со всеми сбережениями и протянул вдове. Однако Цю Юй деньги не взяла — лишь зарыдала пуще прежнего, требуя сурового суда.

Толпа росла с каждой минутой. Кто-то уже успел кликнуть стражников, и те попытались скрутить несчастного Чжао Сана. Тот, разумеется, сопротивлялся и вопил на всю улицу, доказывая свою невиновность. Поднялся невообразимый гвалт.

Среди этой суматохи к телу покойного подошел юноша лет двадцати, одетый в простую холщовую рубаху и изношенные соломенные сандалии. Не обращая внимания на крики, он опустился на корточки и принялся сосредоточенно осматривать мертвеца. Впрочем, до него никому не было дела — все зеваки увлеченно следили за тем, как стражники вяжут

отбивающегося Чжао Сана.

— А ведь его не лошадь убила, — вполголоса пробормотал юноша, отступив обратно в толпу. Он просто не мог держать свои выводы при себе и поделился ими со случайным соседом.

Но сосед попался как на грех громогласный.

— Что?! Ты говоришь, его убила не лошадь?! — зычно взревел тот на всю улицу.

Шум мгновенно стих. Гомон толпы оборвался, и стражники вместе с зеваками уставились на растерявшегося юношу, невольно вытолкнутого вперед.

Один из стражников, нахмурившись, шагнул к нему:

— Лошадь здесь, труп здесь. Все улики налицо! С чего это ты взял, парень, будто Ли Мина загрыз кто-то другой?

Юноша лишь мысленно махнул рукой. Разве объяснишь что-то этим олухам? Им бы только поскорее закрыть дело да отчитаться перед начальством, вот и хватают первого встречного. Говорить с ними — только время терять.

Он повернулся к вдове и мягко спросил:

— Скажи, как именно погиб твой муж?

Цю Юй насупилась.

— Его сбросила эта проклятая кобыла, а потом искусала до смерти! — хриплым от рыданий голосом запричитала она. — Если не верите, сами посмотрите на его запястье!

С этими словами она закатала рукав покойного Ли Мина, являя толпе глубокие следы зубов. По толпе пронесся сочувственный вздох.

— Глядите, сколько крови! Точно лошадь загрызла!

— И спорить тут нечего. Даже если не загрызла, так копытами насмерть затоптала, поди выживи после такого падения!

Юноша с грустной усмешкой покачал головой. В его ясных глазах блеснула легкая ирония.

— Вы ошибаетесь. Это лишь то, что лежит на поверхности.

Он шагнул к мертвецу и без лишних слов откинул рогожу. Тело Ли Мина предстало перед толпой во всей своей неприглядности. Из-за полуденного зноя на бледной коже уже проступили багрово-синие трупные пятна, а вытаращенные мертвые глаза смотрели на живых с застывшим выражением ярости и смертной обиды.

Люди в ужасе отшатнулись, закрывая лица руками и осыпая наглеца проклятиями. Цю Юй бросилась было остановить его, но случайно встретила взглядом с остекленевшими глазами покойного мужа. Вскрикнув от испуга, она отпрянула и неловко повалилась в дорожную пыль.

— Будь это смерть от падения с высоты, у него неизбежно пострадали бы внутренние органы, а лицо из-за прилива крови сделалось бы багровым и опухшим, — спокойно продолжал юноша. — Взгляните сами: лицо покойного бледно, никаких следов удушья или отека нет и в помине.

Несколько смельчаков из толпы пересилили страх и пригляделись. Действительно, кроме естественной посмертной синевы, лицо покойника выглядело нетронутым.

— Теперь посмотрите на укус на запястье. Крови вытекло немало, однако крупная артерия цела. От такой раны умереть невозможно, а значит, и лошадиные зубы тут ни при чем.

Толпа притихла, обдумывая услышанное. Логика незнакомца казалась безупречной, и люди невольно начали сочувствовать Чжао Сану. Сам обвиняемый смотрел на своего спасителя с нескрываемой благодарностью — наконец-то забрезжила надежда на спасение!

— И то верно, с чего бы смирной кобыле человека насмерть загрызть? Оговорили Чжао Сана!

— Да ладно тебе заливать, сам же только что кричал, что его казнить мало!

— Погодите, но если не лошадь, то отчего тогда представился Ли Мин?

Пока зеваки шумно спорили, Цю Юй, смекнув, куда дует ветер, внезапно заголосила с новой силой. Она вновь принялась разыгрывать заезженную пластинку безутешного вдовьего горя:

— О горе мне, несчастной! За что мне, сиротинушке, такая злая доля?!

Старшему стражнику весь этот балаган изрядно надоел. В караулке его ждал недопитый кувшин теплого вина, и копаться в тонкостях чужой смерти ему совершенно не хотелось. Главное — подозреваемый пойман, отчет можно писать, так зачем усложнять себе жизнь?

— А ты еще что за хрен с горы? — гаркнул он на юношу. — А ну брысь отсюда, не мешай власти закон исполнять!

Стражники наспех накинули рогожу обратно на труп, подхватили носилки с Ли Мином, поволокли закованного в колодки Чжао Сана и увели за повод злосчастную кобылу в сторону управы. Цю Юй, украдкой припрятав брошенный Чжао Саном кошель, уныло поплелась следом. Лишившись зрелища, толпа быстро разошлась, и торговая улочка вернулась к своей обычной суете.

Юноша тихо вздохнул. Опять все закончилось как всегда. Стоило ему сделать шаг, как кто-то легонько дернул его за край рубахи. Он опустил взгляд и увидел чумазого мальчугана, который смотрел на него с немим восторгом.

— Дяденька, а дяденька... Расскажи, отчего он все-таки помер?

Молодой человек ласково потрепал парнишку по вихрастой голове и слегка ущипнул за пухлую щеку. На душе потеплело: надо же, хоть кто-то захотел докопаться до истины!

— Его укусила змея, — охотно объяснил он. — Ядовитый гад ужалил его прямо в запястье, а лошадь прикусила то же самое место чуть позже. Следы зубов наложились один на другой, оттого их так трудно различить...

Он готов был и дальше увлеченно делиться своими наблюдениями, но его прервал пронзительный визг.

Мамаша мальчишки, стоявшая на другой стороне улицы с полупустой чашкой риса в руках, грозно прикрикнула:

— Хуа Тянь! А ну отвяжись от ребенка, нечего ему голову всякой чертовщиной забивать! Шел бы лучше к себе в кузницу да молотом махал!

Не выдержав столь бурного натиска, Хуа Тянь предпочел позорно ретироваться.

Кузница Хуа Тяня

В последнее время Хуа Тянь совсем лишился сна. Его веки опухли и покраснели, напоминая два парных дрожжевых пирожка. С глупым видом уставившись на тяжелый кузнечный молот, он вяло и невпопад тюкал по куску ржавого железа. Вид у кузнеца был настолько отрешенный, что немногочисленные клиенты предпочитали обходить его мастерскую стороной.

А виной всему был один навязчивый сон. Стоило Хуа Тяню прикрыть глаза, как перед ним возникал странный субъект, именовавший себя Императором Хуагаем. Этот чудак с придурковатой ухмылкой всякий раз заводил одну и ту же волынку:

— Ну что, молодой господин Хуа, пора в путь?

— Никуда я не пойду, отвяжись! Дай поспать нормально, — ворчал в ответ Хуа Тянь.

Гость выглядел от силы лет на тридцать, но упорно заявлял, будто он — великое небесное божество. Верилось в это с трудом. Мало того, этот подозрительный тип настаивал, чтобы Хуа Тянь отправился напрямик в Подземное царство и занял там пустующий престол Владыки ада! Каждую божью ночь он утаскивал бедного кузнеца в Подземное царство — якобы для того, чтобы тот «ознакомился с будущим рабочим местом».

«Какое, к чертям собачьим, ознакомление? — в ярости думал Хуа Тянь. — Спать мне дай, ирод!»

— Брат Хуа, потерпи, это последняя ночь, — с мягкой, приторно-сладкой улыбкой уговаривал его Император Хуагай. Хуа Тяню эта мина казалась насквозь фальшивой. — Уже завтра ты официально вступишь в должность.

— Ладно, раз уж на то пошло, — уступал кузнец, вконец измотанный ночными кошмарами, где его заставляли любоваться на разношерстных уродцев, именуемых призраками. — Скажи честно: у этого твоего Владыки ада жалованье хорошее? Серебра много платят?

— Жалованье?.. — Император Хуагай на мгновение задумался, а затем с предельной серьезностью покачал головой: — Нет. Ни единой монеты.

— Ну и пошел ты тогда. Я спать, — отрезал Хуа Тянь. Мог бы хоть соврать покрасивее для приличия, шарлатан несчастный!

— Брат Хуа, постой, не уходи! — засуетился Император Хуагай, хватая его за рукав. — Ладно, сегодня обойдемся без Подземного царства. Но я должен передать тебе кое-что важное.

Он принялся лихорадочно шарить у себя в широких рукавах, пытаясь выудить оттуда нефритовый ху. От излишней спешки божество споткнулось на ровном месте и с глухим стуком растянулось на земле. Драгоценная табличка, описав в воздухе идеальную дугу, с сухим звоном шмякнулась о каменные плиты и разлетелась на мелкие кусочки.

— Ай-яй-яй... Какая жалость! — Хуа Тянь присел на корточки, собирая осколки. На душе заскребли кошки: этот недотепа впервые принес стоящую вещь, и ту умудрился расколотить вдребезги. — Небось кучу денег стоила?

— Да пустяки, безделица, — легкомысленно отозвался Император Хуагай, поднимаясь и невозмутимо отряхивая подол одеяния от пыли. — Купил по дешевке у старьевщика, а иероглифы сам нацарапал. Не переживай, брат Хуа, завтра skleю и принесу.

Хуа Тянь только тяжело вздохнул. Этот парень либо круглый дурак, либо держит за дурака его самого.

— Ну все, отдыхай. Сегодня выпишься как следует, чтобы завтра со свежей головой принять бразды правления, — Император Хуагай ободряюще похлопал кузнеца по плечу.

— Погоди! Какое еще правление? Как я вообще должен туда попасть?! — Хуа Тянь хоть и сомневался во всей этой истории, но упустить деталь не мог. Он попытался схватить собеседника за рукав, но пальцы сжали лишь пустоту: Император Хуагай растаял без следа, оставив после себя лишь облачко белесого дыма.

— Черт бы тебя побрал с твоими сказками... — пробормотал Хуа Тянь. Сон мгновенно рассеялся, голова налилась тяжестью, и он окончательно провалился в глубокое безмолвие без сновидений.

Мастерская Хуа Тяня

С самого утра день не задался. Сначала у жирного мясника из соседней лавки сорвался тесак и едва не раскроил Хуа Тяню череп. Затем со второго этажа прямо перед его носом рухнул глиняный горшок со столетником, который выронила местная старая дева. А под конец тяжелый боек кузнечного молота соскочил с топорща и с грохотом впечатался в землю в полувершке от его ноги, оставив глубокую вмятину.

— Да пропади оно всё пропадом! Больше и пальцем не пошевелю! — в сердцах рывкнул Хуа Тянь, швырнув бесполезную железку в угол.

Он уселся на корточки возле остывающего горна и со злостью затянулся трубкой. Дым, впрочем, горчил и совсем не приносил облегчения: денег на хороший табак не было давно, и приходилось довольствоваться безвкусной табачной пылью, наскребанной по сусекам.

В этот момент порог мастерской переступила Лю Инъин, его подруга детства. Завидев Хуа Тяня в столь непотребном, ленивом состоянии, она недовольно надула хорошенькие губки и с укором воскликнула:

— Брат Хуа! Ты опять бьешь баклуши!

— Устал я сегодня. Дай хоть денек перевести дух, все равно работы нет, — уныло отозвался тот. Пустая кузница лишь подтверждала его слова, наводя еще большую тоску.

Коли не везет, так во всем.

— Да ты тут скоро мхом порастешь! Пойдем лучше на храмовую ярмарку, а? — Инъин уставилась на него своими круглыми, блестящими глазами, в которых читалась мольба.

— А как же твое рукоделие? Разве матушка не заставляла тебя шить? — Хуа Тянь даже не подумал подняться.

При этих словах девичье лицо мгновенно омрачилось. Вся веселость Инъин испарилась без следа. Не дав ему договорить, она схватила Хуа Тяня за руку и изо всех сил потащила к выходу.

— И не напоминай! Не порти мне настроение.

— Сбежала, значит, — догадался кузнец.

— Ну и что! Мне что, и погулять нельзя? — сердито огрызнулась девушка. Обычно кроткая и послушная, сегодня она вела себя на редкость строптиво, так что Хуа Тянь лишь развел руками.

— Ладно, ладно, сладу с тобой нет, — вздохнул он, позволяя увлечь себя на улицу. Он прекрасно понимал, чем это пахнет: когда господин Лю узнает о побеге дочери, он самолично придет и разнесет его кузницу по бревнышку.

Само собой, богатый господин Лю и видеть не желал такого зятя. Хуа Тянь был гол как сокол. Три поколения его семьи гнули спину у наковальни. Деду повезло чуть больше — он ковал оружие для государственной службы, но к нынешнему дню от бывшего достатка не осталось и следа. Хоть Хуа Тянь и не побирался, но концы с концами сводил с трудом. Ему уже перевалило за двадцать, а за душой — ни гроша, ни жены, один как перст на всем белом свете.

<http://bllate.org/book/18412/1796452>